

У каждой женщины есть совершенно идиотская черта, общая для всех. Будучи невесткой, она годами игнорирует свекровь, а, став однажды свекровью, искренне недоумевает, отчего это внуков ей привозят на смотрины раз в два года, а жена любимого сыночка приезжает в гости и того реже. И моя мать, и моя жена в этом плане одинаковы.

Запомнившаяся мне поездка «навестить маму» начиналась традиционно. Совершенно традиционно я купил два билета в СВ. Совершенно традиционно в последний момент жена передумала ехать навещать моих родителей. И уже совсем по привычке я прибыл на вокзал за полчаса, чтобы сдать ее билет.

Вечер пятницы обещал попутчика со стопроцентной вероятностью, поэтому я «пулей» переделся в майку и спортивные штаны и принялся через окно разглядывать пассажиров. Минут за десять до отправления мое внимание привлекла парочка молодых людей, прощавшихся на перроне. Девушка непрерывно плакала, цепляясь за парня. Парень явно пребывал «не в своей тарелке», пытаюсь побыстрее закончить мучительную для него процедуру.

Наконец они разомкнулись, и моя попутчица, хлюпая носом, возникла на пороге купе. Девчушке было лет 19, и вместо приветствия она пропищала:

— Я думала, буду одна ехать, раз купила билет перед самым отправлением поезда.

— На этом поезде так не бывает, вам мог достаться только тот билет, который сдал я.

Я вышел в тамбур, чтобы дать ей возможность успокоиться и привести себя в порядок. Проводница собрала билеты, и я решил вернуться в купе. Легче не стало. Девушка продолжала беззвучно плакать, уставившись в темное окно. Похоже, стоило вмешаться, хотя я и не практикующий психотерапевт.

Слово за слово. Я ее «разговорил». Девушку звали Таня, она примчалась в Москву к своему возлюбленному, наивно ожидая романтического приема. Но, видимо, время уже поработало над их отношениями. Любимый оказался равнодушным, он вообще не понял, зачем она к нему приехала, раз отношения прервались несколько месяцев назад. В результате наивное девичье сердечко оказалось разбито. Я ожидал, что, выговорившись, она успокоится, но в данном случае этот метод почему-то не сработал. И я решил на тактильный контакт. Сел рядом с ней, начал гладить кисть ее руки своими пальцами. Тон моих слов изменился, теперь я просто уговаривал ее перестать плакать, как уговаривают маленькую девочку. Когда ее узкая ладошка оказалась в моей руке, она вдруг прильнула ко мне головой и принялась мочить слезами майку. Я начал гладить ее по голове, разглаживая ее волосы легкими нежными прикосновениями. Затем, самыми кончиками пальцев я принялся гладить ее лицо, делая собирающие округлые движения от ушей к центру лица. Сначала лоб, потом брови, виски и закрытые глаза, от ушей через скулы к кончику носа. Движения моих рук чуть успокоили ее, слез стало меньше. Когда мои пальцы коснулись ее губ, ее ротик приоткрылся, пытаюсь поймать мой палец.

В дверь постучали, я встал открыть проводнице.

— Чай? Кофе? У вас все в порядке? — последний вопрос обращался к заплаканной Танечке.

— Все в порядке, — мы оба заказали чай.

Садиться назад я не стал, обдумывая ситуацию. Моя попутчица мутным ничего не видящим

глазом задумчиво смотрела перед собой. Она уже не плакала, но ее дыхание еще было прерывистым.

Заперев дверь купе за проводницей, я сделал шаг к Тане и вывел ее из оцепенения фразой: — Поиграй со мной.

Она очнулась, и тогда я сдернул с себя одним движением штаны вместе с трусами. Таня смутилась, перестав размешивать чай, она замерла, уставившись на мой член, мирно висевший в сантиметрах 20 перед ее лицом. Поднять глаза, чтобы посмотреть на меня, она так и не решилась. Видимо, вид мужского члена вблизи подействовал на нее гипнотизирующе. Я ждал. Наконец, она дотронулась до моих лобковых волос своими пальцами и принялась их робко осторожно расчесывать. Вторая рука скользнула к яичкам и принялась их гладить. Ее дыхание нормализовалось. Танечка оказалась ласковой девочкой, и через некоторое время таких успокаивающих нежных движений, мой член начал просыпаться. Теперь он торчал вперед, прорываясь между девчоночьих ладошек. Видимо, он начал пахнуть как-то по-особенному, потому что ее дыхание стало возбужденным. Таня увлеклась. Большим и указательным пальцем она принялась то закрывать, то освобождать головку от крайней плоти. От такой ласки член быстро встал вертикально. Эрекция была самой настоящей.

— Течешь?

Вместо ответа он поцеловала головку своими жаркими сухими губами, разомкнула их и рукой направила член себе в рот, стараясь первым же движением заглотить его целиком. Я застонал от такой вообще ожидаемой ласки, обнял ее голову обеими ладонями за затылок, погрузил пальцы в ее волосы, мгновенно разлохматив их. И принялся гладить и ласкать ее голову в такт ее сосательным движением. Мы заводились все сильнее и сильнее, мои мысли стали спутываться, я начал было даже подумывать: а не сделать ли следующий шаг? Но инициатива мне больше не принадлежала, оторвать Танин ротик от моего члена было невозможно. Наконец, она ласково стиснула мой пульсирующий член губами, прижала его языком к нёбу, и я принялся кончать... кончать... кончать... Она выпустила мой взорвавшийся член изо рта. И замерла с полным ртом. Ее глаза сияли каким-то необъяснимым светом. Похоже, она решала глотать или нет. Я протянул ее стакан с остывшим уже чаем, и она проглотила...

Я уселся на ее полку, и она улеглась мне на колени, рассматривая меня снизу своими счастливыми и довольными глазами. Я запустил ей руку в джинсы. Трусики были мокрыми насквозь, она попыталась постесняться, но уже проник пальцем в ее жаркую и мокрую дырочку, а, так как джинсы остались застегнутыми на молнию, освободится она не смогла. Я принялся ласкать ее клитор, стараясь погрузить свой указательный палец как можно глубже.

— Можно вопрос?

Я кивнул.

— Как ты догадался, что я тебе сделаю ЭТО?

Я немного подумал и ответил.

— Во-первых, женские слезы отчего? От недостатка мужского признания. Ты плачешь от того, что ты, вся такая романтическая, прекрасная и хорошая, вдруг никому не нужна. И когда я доверяю тебе свою самую ранимую, самую дорогую мне интимность, вкладываю тебе в ротик свою мужскую сущность, я как бы говорю: ты нужна мне! Ты востребована! Это — признание!

— А во-вторых? — промурлыкала девушка.

— А во-вторых, ЭТО тебе нравится. Презерватива у нас, конечно, нет? — я попытался сменить тему.

Она отрицательно закачала головой:

— А можно я еще пососу?

— Можно, — устроился по удобнее. Одну ногу оставил на полке, прижав ее к стене, вторую свесил на пол. Таня перевернулась на четвереньки и, уткнувшись мне лбом в живот, начала второй раунд. В вагоне было прохладно, и я долго наслаждался контрастом своей застывшей в кондиционированном воздухе кожей и мокрого горячего члена в Танином ротике.

\*\*\*\*

После утреннего третьего по счету минета она пригласила навещать ее, когда бываю в родном городе. Но, когда я позвонил ей спустя несколько месяцев, Татьяна выходила замуж. И больше мы никогда с ней не виделись.